

УДК 82.0

**Метафорические концепты *путь*
и *дорога* в автобиографической
повести П.А. Сорокина «Дальняя дорога»**

Ревво Юлия Александровна

Аспирант,

кафедра филологии,

Технический институт (филиал),

Северо-восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

678960, Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), Нерюнгри, ул. Кравченко, 16;

e-mail: juliarevvo@mail.ru

Аннотация

Метафорические концепты *путь* и *дорога* очень важны для образно-символического мира автобиографической повести П.А. Сорокина «Дальняя дорога». Эти концепты связаны с понятиями «смысл жизни», «Божий промысел», «самосовершенствование», «духовное развитие», «странствие духа». Причем, движение может осуществляться как по восходящей, так и по нисходящей линии. Движение героя-рассказчика от духовного, воцерковленного детства и исполненной веры юности к хаосу и безверию русской революции можно назвать движением «по нисходящей». После бурь революции и Гражданской войны герой повести возвращается к попоранной вере своей юности. Детство и юность писателя и ученого, прошедшие на севере России, в Яренске, описываются в «Дальней дороге» как пребывание героя в светлом, исполненном веры мире, в богатом, сакральном пространстве. Герой-рассказчик помогает отцу и братьям реставрировать православные храмы. Потеря родины становится для героя своего рода библейским Исходом, странствиями по «мировой пустыне» в поисках веры и истины. В эмиграции герой-рассказчик обретает «Россию Духа», пространство «культурной памяти».

Для цитирования в научных исследованиях

Ревво Ю.А. Метафорические концепты *путь* и *дорога* в автобиографической повести П.А. Сорокина «Дальняя дорога» // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 1А. С. 244-252.

Ключевые слова

Питирим Сорокин, метафорический концепт, движение, космос, хаос, вера.

Введение

Автобиографическое произведение П.А. Сорокина «Дальняя дорога» увидело свет в 1963 году, хотя было закончено автором годом ранее. По словам самого Питирима Александровича, работалось ему легко, с интересом и в удовольствие. «Это книга о его жизни, полной приключений и событий, свидетелем или, точнее, участником которых он был, о людях, вместе с кем он шел своей „дальней дорогой“. Книга-памятник, книга-реквием» [Витковский, 1995, 6]. Под «памятником» в данном случае подразумевается памятник дням былым, той России, которую покинул автор, ставший после Октябрьской революции и Гражданской войны эмигрантом. «Реквием» – это траур по навсегда ушедшей России и тем, кто не пережил страшных дней смуты и междоусобиц. Так, в частности, сам П.А. Сорокин был выслан за границу по постановлению Коллегии ГПУ от 26 сентября 1922 года. Эта высылка ассоциировалась у современников и потомков с «философским пароходом», на котором, по приказу В.И. Ленина, уехали из Советской России выдающиеся мыслители и ученые.

«Дальняя дорога» П.А. Сорокина: книга-памятник, книга-реквием

Высылка выдающихся представителей русской интеллигенции на «философском пароходе» стала началом «крестного пути», о котором журнал «Путь» (орган религиозно-философской мысли русской эмиграции) писал следующее: «Пароход выходил из балтийского порта, и русские интеллигенты смотрели на горизонт, который застилала тучи. Для них начинался долгий крестный путь, отмеченный нищетой, разрывами, тоской по родине и непониманием специфики русской религиозной философии со стороны западных интеллектуалов. Вместе с тем интеллигенты-эмигранты не опустили рук и воспользовались свободой, которую им предоставили принявшие их страны» [Аржаковский, 2000, 14].

Впрочем, как отмечалось в журнале «Путь», многие из этих интеллектуалов впоследствии стали жертвами ложно понятого «патриотизма» и вернулись на родину, чтобы погибнуть в сталинских лагерях, а некоторые, подобно Моисею, так и не обрели возможность войти в «землю обетованную» и обрели эту землю только в пространстве памяти. В рамках мифологической модели странствия Моисея и его народа по пустыне, в поисках земли обетованной часто осмысливался путь русской эмиграции. Однако при этом подчеркивалось, что эта обетованная земля была обретена только в пространстве памяти и культуры.

Ж. Нива называл мифологическое измерение русской эмиграции «тринадцатым коленом Израилевым». Французский исследователь справедливо указывал: «Русская эмиграция, конечно, далеко не единственная волна перемещенных лиц в истории XX века; не только она влачила нищенское существование. Но только она восприняла себя как новый Израиль, или, может быть, как новый «Мэйфлауэр», унесший с оскверненной родины начатки нравственного возрождения, подобно пуританам, бежавшим из Европы в XVIII веке» [Nivat, 1993, 651].

В сентябре 1922 года П.А. Сорокин уехал из Петрограда на поезде в Берлин, а затем жил в Праге, где редактировал журнал «Крестьянская Россия», пока не переехал в США. Причинами высылки стало несогласие П.А. Сорокина с идеологией Советской власти и большевизма. П.А. Сорокин был активным членом партии эсеров и после Февральской революции стал одним из редакторов газеты «Дело народа». Писатель и социолог был избран депутатом Учредительного собрания от Вологодской губернии от партии эсеров. 2 января 1918 года Сорокина арестовали за «подготовку покушения на Ленина» и заключили в Петропавловскую крепость, из которой освободили 23 февраля. В марте того же года Сорокин вступил в «Союз возрождения России», объединивший эсеров, народных социалистов и кадетов в их борьбе с большевиками. В июне-октябре 1918 года, по заданию «Союза возрождения России», Сорокин руководил подготовкой антибольшевистского восстания в Великом Устюге – Котласе – Архангельске. 30 октября в Великом Котласе писатель был вынужден сдать ЧК. Приговорен к расстрелу. Но Сорокин написал покаянную телеграмму В.И. Ленину, а также подтвердил свой выход из партии эсеров и отказ от всякой политической деятельности.

Покаянное письмо Сорокина было напечатано газетой «Правда», но и оно не спасло писателя от высылки за границу в 1922 году. В эмиграции П.А. Сорокин начал работать над автобиографической книгой «Дальняя дорога», для художественного пространства которой огромное значение имеют концепты *путь, дорога и странствие*.

Автор «Дальней дороги» – русский американец, в тридцать три года не по своей воле ставший эмигрантом и около полувека проживший в Соединенных Штатах Америки. Наконец, П.А. Сорокин не только писатель, но и крупнейший ученый XX века, «социолог № 1», оказавший неопределимое влияние на общественную мысль современности. Более того, «Дальняя дорога» – это документ эпохи, долгое время скрываемый «спецхранами» от читателя.

Однако автобиография не историческое исследование, в ней нет точных ссылок, документальных цитат, цифровых выкладок. Это рассказ, неторопливое повествование об отрочестве и юности, о давно минувших днях русской революции, о жизни Сорокина в Америке. Интересно, что Питирим Сорокин, несмотря на великолепное владение языком и американской идиоматикой, писал по-русски, а затем почти дословно, часто просто «калькируя», перелагал русские фразы на английский. В результате возник американский перевод русского текста, а русские читатели затем получили обратный перевод с американского оригинала. О причинах двойного перевода А.В. Липский, автор предисловия к американскому изданию «Дальней дороги», писал: «Думаю, что сделал так Сорокин намеренно, дабы, заботясь о будущем читателе в России, исключить вероятность искажения «мысленного оригинала» при его «восстановлении». Надо сказать, что работа над переводом из-за этого превратилась в разгадывание гигантского ребуса, когда буквально в каждой строке приходилось искать «заданную изначальность» [Липский, 1992, 6].

Для всего мира Питирим Сорокин был и остается доктором социологии. Однако, после высылки ученого за границу, его труды в СССР оказались под запретом, а имя вплоть до 1991 года упорно замалчивалось. Даже социологи, пользуясь научными понятиями, впервые введенными в обиход Питиримом Александровичем (например, «социальная мобильность» или «стратификация»), не имели возможности упомянуть об ученом. Если же изредка пресса напоминала о его существовании, то типичными в отношении ученого были, например, такие ироничные выражения, как маститый теоретик-социолог, клеветущий на нашу страну, политический мастодонт и т. п.

Писатель и публицист Сорокин не менее интересен, чем социолог Сорокин. Интересен и стилем изложения материала, и глубиной исторической мысли. Для русского читателя особый интерес представляют главы, посвященные революционным событиям, от февраля 1917-го до 1922 года, когда ученый был выслан из страны. Особого внимания заслуживает эпизод, связанный с борьбой Сорокина против большевиков и его «покаянным» письмом, а также статьей В.И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина». Тем не менее изложение событий этого периода оставляет впечатление некоторой недоговоренности.

Однако провести параллельное «расследование», то есть «совершить путешествие вслед за автором по «Дальней дороге» – оказывается, – как пишет А.В. Липский, – исключительно трудным предприятием» [Липский, 1992, 7]. Без малого семь десятилетий и труды, и само имя его были «персонами нон-грата» в нашей стране, даже память о нем сознательно уничтожалась. Людей, знавших молодого Сорокина, в конце 80-х годов, когда появился интерес к его личности, практически не осталось, а основная масса документов в личных архивах, во избежание неприятностей, давно была уничтожена. Поэтому повесть «Дальняя дорога» уже самим фактом своего существования представляет интерес.

Текстуальная реализация метафорического концепта *путь* в «Дальней дороге» П.А. Сорокина

Странствия, бродяжья жизнь перекати-поля, скитания – рефрен воспоминаний Питирима Сорокина, непосредственно связанный со смысловой парадигмой метафорического концепта *путь*. Однако любой земная стезя предполагает наличие конечного пункта, места назначения. В произведении П.А. Сорокина такого конечного пункта нет. Поэтому можно предположить, что дальняя дорога – это символ пути, не имеющего конца, дороги в вечность.

Метафорический концепт *путь* в автобиографической повести «Дальняя дорога» реализован в ряде образов-символов и средств художественной выразительности. Собственно говоря, концепт *путь* задан уже в названии книги – «Дальняя дорога». Его можно понимать как указание на жизненное странствие, на жизненную дорогу. Название книги «Дальняя дорога» можно рассматривать как концептуальную метафору. Русская культура всегда строилась на противопоставлении мифологем «дом» и «дорога». В. Липский так трактует выбор названия:

«Возьмем в качестве примера английское название книги: «"A Long Journey". Слово "Long" имеет в нашем случае три значения: длинный, долгий, дальний. "Journey" – это путешествие, путь, дорога как процесс перемещения во времени и пространстве. Наиболее вероятных, отвечающих замыслу и содержанию книги переводов названия – два: «Долгий путь» или «Дальняя дорога». Какой из них ближе авторскому оригиналу? Какой более соответствует образному ряду россиянина Питирима Сорокина? Смею надеяться – второй. Странствия, бродяжья жизнь перекаати-поля, скитания – рефрен его воспоминаний – не сочетаются со словом «путь», семантически предполагающим, пусть и не явно, наличие некоего конечного пункта, места назначения. И, наоборот, дорога как *modus vivendi*, как образ жизни (*via est vita*), подходит для перевода наилучшим образом. «А выпала тебе, касатик, дальняя дорога...» Куда, зачем – неизвестно, просто карты так легли, или папиллярный узор приоткрывает нам завесу над собственным фатумом. Вспомним образ дальней дороги в стихах другого российского интеллигента, можно сказать «внутреннего эмигранта», Булата Шалвовича Окуджавы:

...И дальняя дорога дана тебе судьбой,
как матушкины слезы, всегда она с тобой.

Ведь это о Сорокине! <...> Наконец, как не вспомнить фольклорное: «Вдоль по дальней, вдоль да по дорожке...»? Если перевести на английский, то получаем интересную игру слов; «Along o long Jougney», которая зашифрована в названии книги, выводя нас на изначальный, то есть сорокинский, оригинал» [Липский, 1992, 4].

В. Липский указывает на «Песенку о дальней дороге» Б. Окуджавы, в которой есть такие строки: «Жена, как говорится, найдет себе другого, / Какого-никакого, как ты, недорогого. / А дальняя дорога дана тебе судьбой, / Как матушкины слезы, она всегда с тобой» [Витковский, 1995, 5]. В этом стихотворении Окуджавы дальняя дорога – это возможность отрешиться от страстей человеческих (в том числе и от любовной страсти) и воспарить к небесам. Странничество – отрешение от повседневного быта с его радостями и горестями и обращенность к высшему. В стихотворении Окуджавы «Дальняя дорога» герой уезжает от жестокосердной красавицы, и на этом пути его сопровождают луна и «простой романс» сверчка.

Дальняя дорога и лунная ночь присутствуют и в русском романсе, входившем в репертуар А. Вертинского (книга воспоминаний А. Вертинского озаглавлена «Дорогой длинною»):

Дорогой длинною, да ночью лунною,
Да с песней той, что вдаль летит, звеня.
И с той старинною, да с семиструнною,
Что по ночам так мучила меня» [Витковский, 1995, 295].

Связь между названием книги мемуаров писателя-эмигранта П.А. Сорокина «Дальняя дорога» и популярным среди русских эмигрантов Первой волны романсом «Дорогой длинною» очевидна. Этот романс был написан Борисом Фоминым (музыка) и Константином Подревским (слова) в 1924 году и был необыкновенно популярен в эмигрантской среде. Со второй половины 1920-х гг. он исполнялся в парижском ресторане Насти Поляковой, где его

услышал А. Вертинский и включил в свой репертуар. Впоследствии этот романс исполняли Петр Лещенко, Юрий Морфесси, Стефан Данилевский, Людмила Лопато. Бесспорно, этот популярный эмигрантский романс был известен и писателю-эмигранту П.А. Сорокину.

Мотивы смерти матери и распада семьи в «Дальней дороге» П.А. Сорокина

Дальняя жизненная дорога Питирима Сорокина начинается в мемуарах со сцены отпевания матери. Эпизод отпевания матери главного героя мемуаров – значимый и знаковый. Он отсылает нас к сцене церковного погребения рано умершей матери пастернаковского Юрия Живаго. Со смерти и церковного погребения «мамы, светлой королевы» начинается и роман М.А. Булгакова «Белая гвардия»: «Но дни и в мирные и в кровавые годы летят как стрела, и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь. О, елочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем! Мама, светлая королева, где же ты? Через год после того, как дочь Елена повенчалась с капитаном Сергеем Ивановичем Тальбергом, и в ту неделю, когда старший сын, Алексей Васильевич Турбин, после тяжелых походов, службы и бед вернулся на Украину в Город, в родное гнездо, белый гроб с телом матери снесли по крутому Алексеевскому спуску на Подол, в маленькую церковь Николая Доброго, что на Взвозе» [Булгаков, 2011, 15]. У Питирима Сорокина отпевание матери описано следующим образом: «Далее я припоминаю отпевание в сельской церкви. Моя мать лежит в гробу, отец, брат и селяне молча стоят со свечами в руках, и священник, дьякон и псаломщик нараспев читают заупокойные молитвы и исполняют последние обряды. Я не понимаю слов, но фраза «...яко земля еси и в землю отъидеши» вкупе с жестом священника, как бы бросающего горсть земли в гроб, отпечатались в моей памяти» [Липский, 1992, 10].

Образ матери, в смерти покидающей своих детей и оставляющей их в одиночестве в страшном и забытом Бога мире, очень важен и для П.А. Сорокина, и для Б.Л. Пастернака, и для М.А. Булгакова. И у Питирима Сорокина, и у М.А. Булгакова в сцене похорон матери доминирует белый цвет, символизирующий вечность, добродетель, чистоту. Х.Э. Керлот указывает, в частности, что белый цвет в большинстве мифологических систем символизирует вечность и экстаз. Функция этого цвета производна от солнца и от «мистического просветления – символа Востока, когда он выступает как чистейший желтый (т. е. имеет такое же отношение к желтому, как черный к синему морских глубин)» [Керлот, 1994, 557]. Белый цвет символизирует интуицию и, в частности, интуицию Запредельного. Керлот указывает также, что большинство слов с корнем «альб» (или «эльб») напоминает о белом как о сияющем свете сверхъестественного.

Смерть матери, понимаемая как утрата вечно-женственного начала бытия, играет центральную смысловую роль в «Избяных песнях» уроженца Северной Руси Н.А. Клюева: со смертью матери осиротела изба, утратил энергетическое сияние русский «избяной космос», дом сделался чужим для его обитателей, утратил саму функцию Дома: «Увы, напрасен сон.

Кудахчет тщетно рябка, / Что крошек нет в зобу, что сумрак так уныл – / Хозяйка в небесах, с мурлыки сшита шапка, / Чтоб дедовских седин буран не леденил» [Клюев, 1999, 234]. Однако у Клюева русский «избяной космос» надеется на возвращение матери, пусть в ином облике, на появление новой хозяйки космоса-избы: «Лишь в предрассветный час лесной снотворной влагой / На избяную тварь нисходит угомон, / Как будто нет судьбы, и про блины с котягой, / Блюдя печной дозор, шушукает заслон» [Клюев, 1999, 234].

Итоги духовного странствия в жизни и творчестве П.А. Сорокина

Жизненная дорога П.А. Сорокина началась на Севере Руси, в Яренском уезде Вологодской губернии, среди коми и зырян, одной из ветвей финно-угорской семьи. Такое начало «Пути», понимаемого не только как физическое движение во времени и пространстве, но и как духовное странствие, самосовершенствование, постижение Бога и Вечности, более чем символично. Сорокин упоминает, что Яренский уезд Вологодской губернии – это край первозданных лесов, не оскверненных цивилизацией, край особой, наполненной мудростью тишины.

Более того, важную роль в духовном становлении и росте героя-рассказчика сыграла финно-угорская культура. В частности, герой-рассказчик упоминает, что «старинные народные напевы и сказания угро-финских народов еще жили в этом регионе и прилегающих к нему местностях, где их собирали выдающиеся русские ученые и композиторы: Римский-Корсаков, Мусоргский, Чайковский, Кастаньский и другие» [Сорокин, 1992, 27].

Мир детства, представленный читателю Питиримом Сорокиным, – мир волшебный, сакральный, переносающий и читателя и повествователя в иное пространство, чистое и святое. В результате мир детства превращается в потерянный навсегда рай, дорога к которому различима только в воспоминаниях.

Жизненная «дальняя дорога» привела героя из маленького, благодатного мира в большой – беспокойный и хаотичный. Однако путь героя был озарен и освящен христианскими ценностями.

Библиография

1. Аржаковский А. Журнал «Путь» (1925-1940). Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. Киев: Феникс, 2000. 656 с.
2. Булгаков М.А. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Минск: Слово, 2011. 320 с.
3. Герра Р. «Когда мы в Россию вернемся...». СПб.: Росток, 2010. 666 с.
4. Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: Refl-book, 1994. 608 с.
5. Клюев Н. Сердце единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.
6. Витковский Е.В. (сост.) «Мы жили тогда на планете другой...» Антология поэзии русского зарубежья: в 4 т. 1920-1990 (Первая и вторая волна). Т. 1. М.: Московский рабочий, 1995. 400 с.

7. Липский А.В. Вдоль по «Дальней дороге». Вместо предисловия // Сорокин П.А. Дальняя дорога. М.: Терра, 1992. С. 5-10.
8. Сорокин П.А. Дальняя дорога. М.: Терра, 1992. 303 с.
9. Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press; Москва: Русский Путь. 1996. 448 с.
10. Nivat G. Russie, Europe, la fin du schizme, etudes litteraires et politiques. Paris: L'age d'homme, 1993. 651 p.

Metaphorical concepts of *way* and *road* in Pitirim Sorokin's autobiographical novel *The Far Road (Dal'nyaya doroga)*

Yuliya A. Revvo

Postgraduate,

Department of philology,

Nerungry technical institute (branch) of North-Eastern federal university,
678960, 16 Kravchenko st., Neryungri, Sakha Republic, Russian Federation;

e-mail: juliarevvo@mail.ru

Abstract

Metaphorical concepts of *path* and *road* are very important for the figurative-symbolic world of Pitirim Sorokin's autobiographical novel *The Far Road (Dal'nyaya doroga)*. These concepts are related to the concepts of the *meaning of life, God's craft, self-improvement, spiritual development, wandering of the spirit*. Moreover, the movement can be carried out both on the ascending and descending lines. The movement of the hero-narrator from the spiritual, churchized childhood and youthful faith to the chaos and unbelief of the Russian revolution can be called a "downward" movement. The life journey of Pitirim Sorokin began in the North of Russia, in Yarensky district of the Vologda province, among the Komi and Zyryans. Such a beginning of the *path*, understood not only as a physical movement in time and space, but also as a spiritual journey, self-improvement, comprehension of God and Eternity, is more than symbolic. After the storms of the revolution and the Civil War, the hero of the story returns to the trampled faith of his youth. The childhood and youth of the writer and scientist, held in the north of Russia, in Yarensk, are described in the novel as the hero's stay in a bright, faith-filled world, in a blessed, sacral space. The hero-narrator helps the father and brothers restore Orthodox churches. The loss of the homeland becomes for the hero a kind of biblical Exodus, a journey through the "world wilderness" in search of faith and truth. In emigration, the he-

ro-narrator acquires "Russia of the Spirit", the space of "cultural memory". A vital "long road" has led the hero from a small, fertile world into a big, restless and chaotic. However, the hero's way was illuminated and consecrated by Christian values.

For citation

Revvo Yu.A. (2017) Metaforicheskie kontsepty *put'* i *doroga* v avtobiograficheskoj povesti P.A. Sorokina "Dal'nyaya doroga" [Metaphorical concepts of *way* and *road* in Pitirim Sorokin's autobiographical novel *The Far Road (Dal'nyaya doroga)*]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (1A), pp. 244-252.

Keywords

Pitirim Sorokin, metaphorical concept, movement, space, chaos, faith.

References

1. Arzhakovskii A. (2000) *Zhurnal "Put'" (1925-1940). Pokolenie russkikh religioznykh myslitelei v emigratsii* ["Put'" magazine (1925-1940). Generation of Russian religious thinkers in emigration]. Kiev: Feniks Publ.
2. Bulgakov M.A. (2011) *Belaya gvardiya. Master i Margarita* [The White Guard. The Master and Margarita]. Minsk: Slovo Publ.
3. Gerra R. (2010) *"Kogda my v Rossiyu vernemysya..."* ["When we return to Russia ..."]. Saint Petersburg: Rostok Publ.
4. Kerlot Kh.E. (1994) *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow: Refl-book Publ.
5. Klyuev N. (1999) *Serdtshe edinoroga. Stikhotvoreniya i poemy* [The heart of the unicorn. Poems and poems]. Saint Petersburg.
6. Lipskii A.V. (1992) Vdol' po "Dal'nei doroge". Vmesto predisloviya [Along *The Far Road*. Instead of the preface]. In: Sorokin P.A. *Dal'nyaya doroga* [The Far Road]. Moscow: Terra Publ., pp. 5-10.
7. Nivat G. (1993) *Russie, Europe, la fin du schizme, etudes litteraires et politiques*. Paris: L'age d'homme.
8. Sorokin P.A. (1992) *Dal'nyaya doroga* [The Far Road]. Moscow: Terra Publ.
9. Struve G. (1996) *Russkaya literatura v izgnanii* [Russian literature in exile]. Paris, Moscow.
10. Vitkovskii E.V. (ed.) (1995) *"My zhili togda na planete drugoi..." Antologiya poezii russkogo zarubezh'ya* ["We lived then on the planet of another..." Anthology of Russian poetry abroad]: in 4 vols. Vol. 1. *1920-1990 (Pervaya i vtoraya volna)* [1920-1990 (First and second wave)]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ.